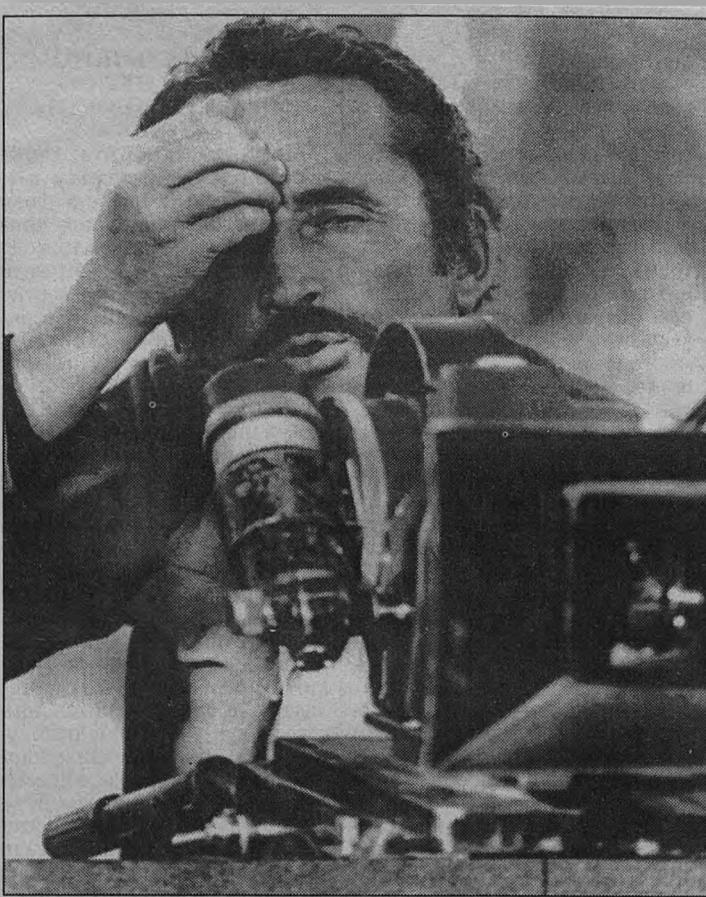

БЫЛ МЕСЯЦ май. Швели каштаны вдоль Крещатика. Киев принимал Всесоюзный кинофестиваль с имперским размахом и с украинским гостеприимством. Весна 1966 года была последней весной «оттепели». Застой подкрадывался на мягких лапах, но в застолье шестидесятники, слегка рисуясь, уже пили «за наше безнадежное дело» — таким был знаковый поколенческий тост. В глубине души никто не хотел верить, что все действительно так безнадежно. Еще никто не уехал за бугор, еще не вошло в лексику заковыристое слово «диссидент», но уже был положен на полку «Родник для жаждущих» Юрия Ильенко по сценарию Ивана Драча, кстати, будущего диссидента. Режиссер все-таки имел возможность показывать фильм, пусть и тайно, друзьям. Витаутас Жалакявичюс, вернувшись с просмотра, сидел оглушенный, подавленный, молча курил.

В большом конкурсе были параджановские «Тени забытых предков», операторский шедевр Ильенко. Но абсолютным чемпионом киевского соревнования стал фильм «Никто не хотел умирать» Жалакявичюса — ему был отдан первый приз, приз за лучший сценарий и приз за лучшую мужскую роль — Донатасу Баниониусу. «Тени забытых предков» удостоились специального приза жюри.

Творческий миг Витаутаса Жалакявичюса. Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

К юбилею фильма «Никто не хотел умирать»

В ЖАНРЕ СТРАСТИ

Не знаю, приезжал ли в Киев Банионис. Зато был Бруно Оя, сыгравший Бронюса, старшего из братьев Локисов. Баскетбольного роста блондин замечательной мужской стати с дорогой концертной гитарой через плечо, Бруно безотказно пел модные шлягеры на лавочке под каштанами возле гостиницы «Москва», где бурлила ночная жизнь фестиваля. Бруно оказался не похож на себя в фильме — в нем не было ничего brutального. В отличие от Жалакявичюса, рядом с которым многие мужчины чувствовали себя не в своей тарелке. Тогда, по молодости, Витасу даже нравилось игра в лидерство и превосходство, и он играл жестко, иногда наотмашь.

После киевской премьеры я не раз пересматривала картину. В последний раз в Светлогорске летом 94-го года: по случаю тридцатилетия выпуска на МКФ «Янтарная пантера» был юбилейный показ фильма и ретроспектива Жалакявичюса. Через год с небольшим Витаса не стало.

Тогда в Киеве было достаточно классных картин, ставших советской классикой, — кроме параджановского шедевра на том всесоюзном фестивале были впервые показаны «Председатель» Алексея Салтыкова и «Верность» Петра Тодоровского. Но почему-то картина Жалакявичюса легла на душу, как ни одна другая. Хотя я как не любила, так и не люблю жанр, тем более боевик и экшн. Но я смотрела такую-то свою картину. Мне удалось открыть потаенный лирический код и сквозь «истерн», «экшн», «фильм мужского действия» — увидеть миф. Дело было в пластическом языке картины — он жил своей жизнью, отстраненной от динамичной, великолепно закрученной фабулы. Ионас Гришюс, работая то ручной, то статичной камерой, соединил два изобразительных модуля, два ритма. Остро современный, нервный, рваный и естественный, природный. В нем таились языческая чувственность, даже эротика, какой не знало наше кино. Первоначальное название фильма было фольклорно-архаичным. В оригинале сценарий, опубликованный в «Искусстве кино», назывался «Локисы», в переводе на русский — «Медведи».

Отдельные кадры, планы, реплики я помню до сих пор именно первой памятью — неискусственной и непрофессиональной. Бронюс Локис, распластанный в кузове грузовика, — из-за ранения позвоночника он не может сидеть. Похожая на Распятие черная тень Вайткуса в дрожащем свете копилки. Безумная страсть Оны (Вия Артмане) и Вайткуса, последняя страсть, из которой нет выхода, кроме смерти. И смерть приходит. А эпизод, когда Вайткус, держа в поводу двух коней, будто вращает в землю, вслушиваясь в звуки начавшегося боя! И запомнилось еще, как мать братьев Локисов сказала Алдоне, девушке Бронюса: «Если хочешь от него ребенка, значит — любишь». Басовый вокализ, подобно античному хору, выводил тему рока, судьбы, трагической вины. Но в основном были естественные шумы. И снималось все на пленэре — в настоящем лесу, в подлинной деревне.

«Никто не хотел умирать» — фильм колоссальной энергетикой, фильм страстей. Из страстей человеческих вывел тридцатипятилетний автор экзистенциальную формулу Гражданской войны, разорвавшей послевоенный социум на две части по идеологическому и национальному признакам. После не однажды снимались картины на ту же тему, но никто не смог сказать больше. «Не знаешь, какая боль», — говорил Домовой — Лаймонас Норейка. «Не Знаю», — жестко отвечал Бронюс — Бруно Оя, смертельно ранивший лидера «лесных братьев». И было ясно: поменяйся они местами, диалог был бы точно таким же.

Летом 66-го «Никто не хотел умирать» получил престижную награду Карловарского МКФ. И — как отрезало. Международная карьера фильма на том и кончилась. Не могу подтвердить документально, но полагаю, картину дальше просто не пус-

тили. Идеологическому отделу ЦК она уж точно не могла нравиться. Амбивалентность не вписывалась в реанимированную концепцию «идеологической борьбы». Установка на то, чтобы понять неправого, становилась категорически неприемлемой. И все же картина успела получить хорошую прессу (в том числе замечательную рецензию Инны Соловьевой в журнале «Искусство кино») и завоевать первое место в конкурсе зрителей — ежегодной акции «Советского экрана». Зрительский успех косвенно указывал на то, что в картине и впрямь было мало идеологии, во всяком случае, публика любила ее уж точно не за это. «Жанр» тогда был в большой цене. Но какие там были мужчины! Великолепная четверка — Бруно Оя, Регимантас Адомайтис, Юозас Будрайтис, Альгимантас Масюлис. Голливуд отдыхает. Только на беду свою не придумал советский кинематограф, что с ними делать дальше, кроме как снимать в ролях иностранцев.

Юозас Будрайтис

В 1965 году я был студентом юридического факультета Вильнюсского университета, приглашение сниматься в кино было для меня полной неожиданностью, если не сказать событием фантастическим. Необычным было все, включая тему. Некоторые из нас даже видели людей, бывших партизанами. Это были идеалисты, они выбрали очень рискованную борьбу за свои идеалы и всецело себя ей посвятили. Жалакявичюс очень осторожно подошел к материалу: перегиб он чуть больше в сторону исторической правды, фильм никогда не вышел бы на экраны, с другой стороны, он не мог изображать партизан в карикатурном виде, как было принято в те времена. Приходилось балансировать на очень тонкой грани.

Надо сказать, что фильм приняли прежде всего как приключенческий, идеологическая сторона ушла в тень. Кто знал — молчал, а многие вообще не знали, что происходило в Литве после войны. Я думаю, что именно приключенческая сторона фильма и помогла ему довольно легко пройти все цензурные инстанции. Сказание о четырех братьях, борющихся за справедливость, затмило собой все иные планы и знаки, фильм был

воспринят однозначно — как историко-приключенческий.

Кстати, первоначально фильм задумывался именно как приключенческий, там было гораздо больше стрельбы и прочих игр, явно ощущалось влияние вестерна. Первый вариант сценария назывался «Террор». В процессе работы фильм становился все более аскетичным, приобретал иные очертания.

Сегодня я вижу в картине определенное количество знаков, на которые раньше не обращал никакого внимания. Например, над дверью сельсоветовской конторы висит герб Литовской Социалистической Республики, он перекошен. Вроде бы мелочь, но, по-моему, это очень важная деталь. Или раненый командир партизан Домовой произносит: «Как больно...» Только ли о физической боли здесь идет речь? Зная остроту художественного восприятия Жалакявичюса, я не могу поверить, что он имел в виду боль только физическую.

И еще один, наверное, главный знак. При въезде в деревню на дереве висит деревянная скульптура, которую в течение фильма показывают несколько раз. На ней изображен грустный Иисус. Это Иисус Сострадающий. Его присутствие вносит в фильм неоднозначность, не позволяет ему превратиться в рассказ об очередной боевой победе советской власти...

Я не хочу, чтобы сложилось впечатление, будто уже на съемках мы пытались создать некую политическую платформу. Жалакявичюс, безусловно, понимал, что он делает, актеры старшего поколения, думаю, видели подтекст, чего нельзя сказать о нас, людях молодых. Мы выросли при советской власти, были в полной мере продуктами ее воспитания. Для нас была важной основополагающая гуманистическая идея, которую подспудно проводил Жалакявичюс: ценность родственных отношений, ощущение малой родины, необходимость борьбы за них. Для меня тогда именно это оказалось главным интеллектуальным и духовным уроком.

Кроме всего прочего, эта картина стала для меня начальной профессиональной школой. Могу с уверенностью сказать, что если бы тогда я попал не к Жалакявичюсу, а к кому-либо другому, я бы в кино не задержался так надолго. Я снимался тридцать лет, этот период завершен, и я не испытываю тяжести. Жалакявичюс

значил для меня очень много. В трудные моменты я звонил ему и говорил: «Витас, мне тяжело, я не нахожу решение». Он всегда помогал, но не конкретными советами, он указывал путь. Теперь я понимаю, насколько это было важно.

С Жалакявичюсом неразрывно связано и понятие «литовская актерская школа», возникшее после фильма «Никто не хотел умирать». Это понятие абстрактное, на самом деле был Жалакявичюс. Его энергетика на каждого из нас действовала так сильно, что это не могло не сказаться на качестве игры. Все мы — порождение его таланта и энергии. Я всегда считал его своим учителем. «Никто не хотел умирать» — это точка отсчета в моей кинокарьере, но вместе с тем этот фильм стал и критерием, с которым я сверялся в течение тридцати лет. Жалакявичюс не сделал в нем не только ни одной проходной сцены, но даже ни одного проходного кадра. Он всюду требовал полной отдачи, внесения в малейший эпизод неподдельного чувства. Глядя на работу Жалакявичюса, я понял, как создается второй план, как киношным языком можно сказать больше, чем, скажем, языком литературным.

Если рассуждать с точки зрения вклада в национальную культуру, то я бы говорил не только о фильме «Никто не хотел умирать», но о Жалакявичюсе как явлении. В списке лучших литовских фильмов всех времен «Никто не хотел умирать» на третьем месте. Первую строчку за-

нимает «Чувство», фильм, снятый по сценарию Жалакявичюса и почти не известный советскому зрителю, он получил Гран-при кинофестиваля в Сан-Ремо. Судьба Жалакявичюса оказалась драматичной. После оглушительного успеха «Никто не хотел умирать» он не снимал шесть лет — начались запреты. Например, остался нерализованным очень интересный сценарий «Красное и красное». Совершенствование мастерства требует постоянной работы, простои и скачки сказываются на художнике не лучшим образом. Я убежден, что, работая он спокойно, мы бы увидели немало значительных произведений, система же была направлена на удушение яркого таланта.

В меньшей степени, но это относилось и к судьбе артистов. После выхода «Никто не хотел умирать» мы получили не только всесоюзную, но и международную известность. Банионис снимался в Германии, Бруно Оя — в Польше (позже он вообще уехал на Запад), я — в Германии и Чехословакии и т.д. Возникла масса анекдотических историй. Меня пригласили в Чехословакию на съемки в фильме «Колония Ланфиер». Мосфильмовское начальство ответило: Будрайтис неопытный, мы можем прислать Авдюшко. Режиссеру пришлось добиваться, чтобы поехал именно я. После «Колонии Ланфиер» меня приглашал сниматься Антониони! Это звучало, как фантастический рассказ, новость из иного мира. Естественно, меня не выпустили в Рим. В результате нам долгое время пришлось играть всяких иностранцев. А ведь карьера каждого из нас могла бы сложиться совсем по-другому.

Мне трудно однозначно оценить «Никто не хотел умирать», как, впрочем, и любую другую работу Жалакявичюса. Вообще неопределенность, многозначность были стилем его работы. Обсуждая с артистом готовящуюся сцену, он обычно говорил: «Не знаю, не знаю, может быть, здесь стоит обратить внимание на такую деталь... Но не знаю, не знаю...» Он все время искал, не мог остановиться на застывшей определенности, отсюда его знаменитое «не знаю, не знаю...» Он всегда искал возможность сказать больше, чем предполагает простая форма. Ведь и фильм должен был называться «...И никто не хотел умирать». Это окончание известной только ему фразы.